

ШЕСТВИЕ ОСЕНЕЙ ПЯТИГОРСКА

1

Опустило солнце осеннее
Свой золотой и теплый посох,
И золотые черепа растений
Застряли на утесах,
Сонные тучи осени синей,
По небу ясному мечется иней.
Лишь золотые трупики веток
Мечутся дико и тянутся к людям:
«Не надо делений, не надо меток,
Вы были нами, мы вами будем».
Бьются и вьются,
Сморщены, скрючены,
Ветром осенним дико измучены.
Тучи тянулись кверху уступы.
Черных деревьев голые трупы
Черные волосы бросили нам,
Точно ранним утром, к ногам еще босым
С лукавым вопросом:
«Верите снам?»
С тобой буду на «ты» я,
Сады одевают сны золотые.
Все оголилось. Золото струилось.
Вот дерева призрак колючий:
В нем сотни червонцев блестят!
Скряга, что же ты?
Пойди и сорви,
Набей кошелек!
Или боишься, что воры
Большие начнут разговоры?

2

Грозь убийцы лезвием,
Трикратною смутною бритвой,
Горбились серые горы:
Дремали здесь мертвые битвы
С высохшей кровью пены и пана.
Это Бештау грубой кривой,
В всплесках камней свободней разбоя,
Похожий на запись далекого звука,
На А или У в передаче иглой
И на кремневые стрелы
Древних охотников лука.
Полон духа земли, облаком белый,
Небу грозил боевым лезвием,
Точно оно – слабое горло, нежнее, чем лен.
Он же – кремневый нож
В грубой жестокой руке,
К шее небес устремлен.

Но не смутился небесный объем:
Божие ясно чело.
Как прокаженного, крепкие цепи
Бештау связали,
К долу прибили

Ловкие степи:
Бесноватый дикарь — вдалеке!
Ходят белые очи, и носятся полосы,
На записи голоса,
На почерке звука жили пустынные.
В светлом бору, в чаще малинника
Слушать зарянок
И желтых овсянок.
Жилою была
Горная голоса запись.
Там светлые воды и камни-жрецы,
Молились им, верно, седые отцы.

3

Кувшины издревле умершего моря
Стояли на страже осени серой.
Я древнюю рыбку заметил в кувшине.
Проснулась волна это
Мертвого моря.
Из моря, ставшего серым строгим бревном,
Напилены доски, орлы
Умной пилой человека.
Лестниц-ручьев, лада песен морей,
Шерховаты ступени,
Точно коровий язык, серый и грубый, шершавый.
Белые стены на холмы вели
По трупам усопшей волны, усопшего моря,
Туда, на пролом,
Где орел и труп моря
Крылья развевал свои высоко и броско,
Точно острые мечи.
Над осени миром покорнее воска
Лапти шагают по трупам морей,
Босяк-великан беседует тихо
Со мной о божиих пташках.
Белый шлем над лицом плитняковым холма, степного вождя,
Шерховатые шершавы лестниц лады,
Песен засохшего моря!
Серые избы из волн мертвого моря, из мертвого поля для бурь!
Для китов и для ящеров поляна для древней лапты стала доской.
Здесь кипучие ключи
Человеческое горе, человеческие слезы
Топят бурно в смех и пение.
Сколько собак,

Художники серой своей головы,
Стерегут Пятигорск.
В меху облаков
Две Жучки,
Курган Золотой, Машук и Дубравный.
В черные ноздри их кто поцелует? Вскочат, лапы кому на плечо положив?
А в городе смотрятся в окна
Писатели, дети, врачи и торговцы!
И волос девушки каждой — небоскреб тысяч людей!
Эти зеленые крыши, как овцы,
Тычутся мордой друг в друга и дремлют.
Ножами золотыми стояли тополя,
И девочка подруге кричит задорно «ля».

Гонит тучи ветреный хвост.—

4

Осени скрипки зловещи,
Когда золотятся зеленые вещи.
Ветер осени
Швырял листьями в небо, горстью любовных писем,
И по ошибке попал в глаза (дыры неба среди темных веток).
Я виноват,
Что пошел назад.
Тыкал пальцем в небо,
Горько упрекая,
И с земли поднял и бросил
В лицо горсть
Обвинительных писем,
Что поздно.

5

Плевки золотые чахотки
И харканье золотом веток,
Карканье веток трупа золотого, веток умерших,
Падших к ногам.
Шурши, где сидела Шура, на этой скамье,
Шаря корня широкий сапог, шорох золотого,
Шаря воздух, садясь на коней ветра мгновенного,
В зубы ветру смотря и хвост подымая,
Табор цыган золотых,
Стан бродяг осени, полон охоты летучей,
погони и шипа.

6

Разбейся, разбейся,
Мой мозг о громады народного «нет».
Полно по волнам носиться
Стеклянной звездю.
Это мне над рыжей степью
Осени снежный кукиш!
А осень — золотая кровать
Лета в зеленом шелковом дыме.
Ухожу целовать
Холодные пальцы зим.

Стали черными, ослепли золотые глазята подсолнухов,
Земля — мостовая из семенух.
Сколько любовных речей
Ныне затоптано в землю!
Нежные вздохи
Лыжами служат моим сапогам,
Вместе с плевком вспорхнули на воздух!
Это не сад, а изжога любви,
Любви с семенами подсолнуха.

Октябрь — ноябрь 1921

